

НИСХОДЯЩАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МЕЩАН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

© 2010 А.А. Платонова

Московский городской педагогический университет

Поступила в редакцию 22.06.2010

В статье рассматривается юридическая возможность нисходящей мобильности мещан – основного городского сословия России XIX в. Статья основана на юридических памятниках. Определяются возможные группы перемещения, механизмы понижения социального статуса представителей сословия. Ключевые слова: российское общество XIX в., русский город, мещанство, социальная мобильность, социальный статус, нисходящая мобильность.

Социальная мобильность в обществах прошлого принадлежит к важнейшим аспектам социальной истории. Данные по социальным перемещениям дают ценный материал для изучения состояния и динамики социальной структуры, открытых и латентных процессов, протекающих в обществе.

Российское мещанство представляет на сегодняшний день одну из наименее изученных больших социальных групп периода империи. Традиционно обращение к социальной мобильности мещан сосредоточено на вертикальной восходящей мобильности (перемещение в группы более высокого иерархического уровня), главным образом на вопросе перехода мещан в гильдейское купечество. В меньшей степени уделялось внимания горизонтальной мобильности – географическому перемещению мещан и переходу в группы равного иерархического уровня. Проблема нисходящей мобильности мещанства в литературе практически не рассматривается. Тем не менее для полноценной картины социальной мобильности понижение социального статуса представителей сословия имеет не меньшее значение, чем их социальный рост.

Место человека в реальной социальной иерархии XIX в. складывалось как комбинация многих характеристик. Среди них уровень правоспособности и обязательств перед государством (то, что напрямую определялось сословной принадлежностью), размеры собственности, этническая и конфессиональная принадлежность, образование, род занятий, семейное положение, образ жизни и т. д.

В условиях сословной системы место человека во властно-имущественной и культурно-нормативной иерархиях находилось в тесной, хотя и неабсолютной, зависимости от сословной

принадлежности. Возможность и правила передвижения человека из одного сословия в другое являлись предметом государственного законодательного регулирования. Поэтому обращение к любой форме социальной мобильности в сословном обществе предполагает, прежде всего, проработку юридической стороны вопроса.

В структуре российских сословий первой половины XIX в. можно выделить непривилегированные податные сословия (“сельские обыватели”, мещане), полупривилегированные группы (гильдейское купечество, духовенство, личные и потомственные почетные граждане и др.) и господствующее сословие – потомственное дворянство. Социальные группы одного уровня имели схожий, но отнюдь не равный набор прав и обязанностей.

Представители одного сословия, будучи формально равны перед законом, составляли множество страт. Стратификация мещанства обуславливалась разнообразием путей пополнения и пестротой профессионально-хозяйственных занятий (мелкое предпринимательство, огородничество, извоз, ремесло, канцелярская служба, работа домашней прислугой и т. д.).

Нисходящая мобильность лица с точки зрения права XIX в. заключалась в потере прав “состояния” (т.е. прав сословия), сопряженной с переходом в менее правоспособную социальную группу.

В реальности основной канал нисходящей мобильности мещан состоял в разорении и люмпенизации и, следовательно, по сути лежал вне законодательства о сословиях, так как обнищание мещанина не влекло его автоматическое исключение из сословия (в отличие от купечества, членство в котором фактически покупалось). Однако для московского мещанства в первой половине XIX в. существовали особые правила. Согласно им, мещане, которые не платили за се-

мью податей в течение пяти лет “и коих поведение окажется неисправимым”, в случае признания годными к военной службе отдавались в солдаты, а признанные негодными – принудительно переселялись в Сибирь. “Сия мера распространяется и на тех мещан, кои присылаются из полиции за бродяжничество, буйство, пьянство, маловажные кражи и другие поступки”. Отдача в военную службу или ссылка мещан в Сибирь производилась по приговору органа сословного самоуправления – мещанского общества и утверждались московским военным генерал-губернатором. Мещане старше шестидесяти лет к переселению в Сибирь приговорены быть не могли¹.

В соответствии с общими правилами, действующими во всех российских городах, права мещанского звания прекращались в следующих ситуациях: после официально оформленного перехода в другое сословие (например, при записи в купеческую гильдию или пострижении в монахи), в случае поступления в военную службу (добровольно, по рекрутскому набору или по приговору суда), и, наконец, мещанин терял права состояния, когда признавался виновным в уголовном преступлении, “с коим сопряжено лишение всех гражданских прав”.

Мещанство находилось в основании социальной пирамиды, среди групп с минимальной правоспособностью. Мещане являлись второй по численности после “сельских обывателей” категорией податного населения. Известный советский историк П.Г. Рындзюнский, сопоставляя права и обязанности мещан и государственных крестьян, доказывал близость юридического статуса этих социальных групп². Мещане и крестьяне поставляли рекрутов, несли схожие денежные и натуральные повинности, могли быть подвергнуты телесным наказаниям. Однако определенная экономическая свобода и защита имущественных прав делали правовое положение городского простолюдина более выгодным. Косвенным подтверждением преимуществ социальной позиции мещанина служит интенсивный приток государственных крестьян в ряды мещанства, происходивший на протяжении всего XIX в., несмотря на сложный бюрократический механизм оформления нового статуса.³

Запись в мещанство столиц для государственных крестьян была обставлена дополнительными условиями. Для зачисления в мещанство Петербурга или Москвы крестьянин представлял удостоверение своего мирского общества. Удостоверение подтверждало, “что на нем нет никаких поселенческих повинностей и недоимок, и что после перехода его в город земля, им обрабатываемая, не останется впусе”. Крестьянин уплачивал сум-

му, соответствующую “трехгодичной подати его по новому званию”. Кроме того, будущий мещанин должен был доказать, что “издавна приобвык к городской промышленности”, ремеслам или “почасту жительствует или совсем обзавелся в городах”⁴.

В первой половине XIX в. юридически сдерживалось не только перечисление крестьян в мещане, но и обратный процесс. В “сельское состояние” в этот период имели право записываться мещане только уездных городов, чей образ жизни и трудовая деятельность носили выраженный аграрный характер.⁵

Что могло обуславливать выбор мещанина в пользу более ущемленной в правовом отношении социальной позиции крестьянина? Очевидно, крестьянское происхождение, наличие родственников в деревне, опыт сельской жизни и невозможность прокормить себя и семью в городе.

Как в мещанской среде мог оцениваться переход в “сельские обыватели”? В российских городах всегда жила категория мещан, по роду занятий, бытовым предпочтениям и менталитету весьма близкая крестьянству. В столицах и губернских центрах эта страта была меньше, чем в уездных городах. В данной среде перечисление в крестьяне, а также брак мещанки с государственным крестьянином могли не рассматривать как понижение социального статуса. Тем не менее этнографический материал свидетельствует, что даже небогатые мещане провинциальных городов во второй половине XIX - начале XX в. относились к социальному положению крестьянина с пренебрежением⁶. Можно предположить, что в больших городах и столицах, где значение земли в жизни мещанина снижалось быстрее, такое отношение к статусу государственного крестьянина формируется раньше.

В условиях существования крепостнических отношений нисходящая социальная мобильность лица податного состояния могла быть связана с потерей личной свободы. Однако в XIX в. закрепление мужчины-мещанина за частным владельцем было уже юридически невозможно. Правовая практика Российской империи XVIII в. знала три способа превращения свободного человека в крепостного. Прежде всего, “крепость творилась” “пожалованием, то есть, потомственным укреплением или того самого лица, или предков его, от Верховной Самодержавной Власти в частную власть и обладание”. С 1801 г. подобные пожалования полностью прекратились. Во-вторых, имела место добровольная “запись” человека за помещиком. В 1781 г. был издан указ, запрещающий этот способ увеличения числа крепостных. В-третьих, крепостным становился воспитанный в семье крепостных “непомнящий

родства” приемыш. В своде законов о состояниях 40-х гг. XIX в. подчеркивалось, что кроме указанных “видов укрепления” никаким иным путем никто “из людей свободного состояния” не может быть обращен в крепостного.⁷ Таким образом, с точки зрения права, основным каналом нисходящей мобильности для мещан-мужчин следует признать совершение уголовного преступления, “с коим сопряжено лишение всех гражданских прав, а следовательно лишение и прав состояния”.

Проблема социальных перемещений женщин в Российской империи остается практически не изученной. Между тем в силу действовавшего в этот период принципа определения социального статуса женщины по отцу или супругу изучение социальной мобильности женщин выходит за пределы исключительно “женской истории” и может дать богатый материал по формированию и динамике российского общества в целом. Основным каналом социальной мобильности женщин являлось замужество. В конце XVIII - начале XIX в. ситуация вокруг личной свободы мещанок, выходящих замуж за крепостных, оставалась юридически неопределенной. Подчинение жены крепостного человека помещику в течение жизни мужа (вне зависимости от ее социального статуса до брака) не ставилось под сомнение и не оспаривалось. Однако имели место обращения в суды вдов мещанского происхождения, “отыскивающих себе свободу” после смерти крепостных мужей.

В 1808 г. из судебного прецедента возникла важная для решения рассматриваемого вопроса норма права. Некий Онисим Белоусов – дворовой человек генерала от инфантерии Арбенева – женился на воспитаннице Мещанского училища при Воспитательном доме благородных девиц. Дворовой человек имел письменное разрешение своего господина жениться на любой женщине, по своему выбору. Вступив в брак, Белоусов стал добиваться освобождения себя и супруги на основании “Учреждения” для Мещанского училища 1765 г. По “Учреждению” выпускницы награждались такими “преимуществами и вольностями”, с которыми положение крепостной было несовместимо.⁸ Сенат, рассматривавший это дело, оставил Белоусова во владении помещика “с предоставлением его жене пользоваться личной свободой”. Александр I в порядке исключения распорядился освободить Белоусова с женой, а на будущее постановить следующее правило: брак крепостного с воспитанницей училища приводит к освобождению при условии, если помещик дает разрешение не просто на брак со свободной, но именно на брак с воспитанницей мещанского училища. Во всех других случаях муж

остается крепостным, хотя “вышедшая за него замуж воспитанница пользуется” “личной ее свободой, не сообщая оный ни мужу, ни детям”.⁹ Указ касался только воспитанниц мещанского училища, а не мещанок вообще. Однако он подтверждал, что брак с крепостным в принципе не уничтожает прежнее “свободное право” женщины.

В условиях отсутствия четкой правовой нормы сохранение над вдовами-мещанками помещичьей власти или их освобождение зависело от произвола судей. В России начала XIX в. продолжали действовать отдельные нормы Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 года. Были случаи, когда суды оставляли женщин во владении помещиков, ссылаясь на 85 статью “Суда о холопах”. Согласно этой статье Уложения “кто кабалного своего холопа женит у себя на вольной жонке, а после того тот кабалной холоп у него умрет, а та жонка, которая за тем его человеком была, от него збежит... ту жонку по первом ее муже отдати тому ее прежнему боярину...”¹⁰ В других судах вдову признавали свободной, опираясь на запрет времен Екатерины II “укреплять за собой” лично-свободных людей и вышеописанный прецедент жены Онисима Белоусова.

Ситуация оставалась юридически спорной до 1815 г. В 1815 г. был издан указ “О законах, коими должно руководствоваться при решении дел о людях, отыскивающих свободу из помещичьего владения”. Указ устанавливал правовую норму: “все вольного происхождения вдовы и девки, вышедшие замуж за помещичьих дворовых людей и крестьян, по смерти мужей их, в число крепостных обращаемы быть не должны”.¹¹

В издании свода законов о состояниях 1842 г. подтверждается, что “браком ни в коем случае не сообщается крепостное состояние; и лица женского пола, вступившие в замужество за крепостных людей, хотя остаются в повиновении помещику по мужу, не теряют чрез то вовсе свободного своего состояния, и по смерти мужа не могут быть обращены в число крепостных”. Подтверждается, что законные дети, рожденные в браке с крепостным, признаются крепостными, “хотя бы мать их была свободного происхождения”.¹² Таким образом, крепостное право для мещанки в браке с крепостным де-юре не существовало, но де-факто на период жизни супруга мещанка должна была оставаться “в повиновении помещику”.

Рассмотренный пример нисходящей мобильности мещанства подтверждает отмеченное американской исследовательницей Э.К. Виртшафтер несоответствие между правовыми определениями и социально-экономическими реалиями в России периода империи.¹³ Так, наличие внутренней профессионально-имущественной и культурной стратификации мещан делало возможным верти-

кальные социальные перемещения человека в рамках своего сословия. Одновременно статус мещанина столичного города был выше и желаннее, чем мещанина провинциального города. Особая востребованность членства в мещанском обществе Санкт-Петербурга или Москвы косвенно подтверждается тем, что бюрократический механизм его оформления был сложнее, а потерять его было легче, чем в других городах. Переселение мещанина из столичного города в город более низкого уровня, таким образом, стоит отнести к проявлениям нисходящей мобильности.

Особенности нисходящей мобильности мещан иллюстрируют тезис Э.К. Виртшафтер, о том, что жесткая сословная структура в России скрывала “подвижное, мозаичное, стихийное” общество, в котором природа социальных категорий имела множество измерений¹⁴. Формально перемещение из одного податного сословия в другое можно рассматривать как горизонтальную мобильность, фактически переход мещанина в государственные крестьяне был сопряжен с понижением социального статуса. Официально крепостное право не сообщалось браком лично-свободной жене крепостного, но фактически на период жизни мужа мещанка должна была оставаться “в повиновении помещику”, что естественно означало определенное ограничение ее сословных прав.

Делая вывод, можно сказать, что в первой половине XIX в. стремление государственной власти к социальной стабильности вело к укреплению сословного строя и ограничению как восходящей, так и нисходящей социальной мобильности. Нисходящая мобильность с точки зрения права заключалась в перемещении человека в менее правоспособную группу с последующим сохранением прав этой группы за его потомками. Если каналы восходящей мобильности были связаны с поощряемой государством и обще-

ством деятельностью, то источником нисходящей мобильности, как правило, становилось девиантное поведение. Типичным примером нисходящей мобильности, предусмотренной законодательством XIX в., было “перечисление” священнослужителя (представителя полупривилегированного сословия) в мещане (податное сословие). Для мещан, которые являлись податным сословием и находились вместе с сельскими обывателями в основании социальной пирамиды, шаг вниз по социальной лестнице, с точки зрения законодательства о сословиях, означал признание преступником и “лишение всех гражданских прав”. На практике, как мы видим, нисходящая социальная мобильность представителей мещанского сословия была полна нюансов и могла выражаться рядом способов, лишь косвенно отраженных в законодательстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Свод законов о состояниях. Т.9. СПб., 1842. С.111.
- ² *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С.50.
- ³ *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С.193-196.
- ⁴ Свод законов о состояниях. Т.9. СПб., 1842. С.89.
- ⁵ Свод законов о состояниях. Т.9. СПб., 1842. С.125.
- ⁶ *Жирнова Г.В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов Средней полосы РСФСР) М.: Наука, 1980. С.23.
- ⁷ Свод законов о состояниях. Т.9. СПб., 1842. С.174.
- ⁸ ПСЗ I. Т.XVII, №12323.
- ⁹ ПСЗ I. Т.XXX, №22830.
- ¹⁰ Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М.: Издание Московского юридического института, 1951. С.149.
- ¹¹ ПСЗ I. Т.XXXIII, №25947.
- ¹² Свод законов о состояниях. Т.9. СПб., 1842. С.178.
- ¹³ *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002. С.210-213.
- ¹⁴ Там же. С.211-212.

THE DOWNWARD MOBILITY OF RUSSIAN “MESHCHANSTVO” IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (THE LEGAL ASPECT)

© 2010 A.A. Platonova

Moscow City Pedagogical University

The author analyzes legal possibilities for downward mobility of the major Russian urban social group of the XIX century – “meshchanstvo”. The article is based on the laws of the Russian Empire. The author defines possible groups of downward mobility and mechanisms which led to the lowering of the social status of this social group representatives.

Key words: Russian society of the XIX century, Russian city, “meshchanstvo”, social mobility, social status, downward mobility.